

После этих слов Гу Цичи был поднят на руки Бо Юем. Чёрный пиджак накинули на молодого человека, защитив его от дождя и ветра. Рука Гу Цичи была слабой, зонт держался неустойчиво, постоянно сталкиваясь с головой Бо Юя.

Мужчина молчал, его длинные ноги быстро шагали, но руки были крепкими, и Гу Цичи не чувствовал ни тряски, ни дискомфорта. Дорогие туфли без колебаний шагали по лужам, издавая хлюпающие звуки.

Вся его обычная расслабленность исчезла, глаза были тёмными, губы сжаты, Бо Юй едва сдерживал своё волнение.

Человек в его руках был лёгким, почти невесомым, особенно после голодовки на съёмочной площадке, он похудел, и его вес уменьшился.

Вдалеке зажглись фары, белый и жёлтый свет смешались, ослепляя глаза. Бо Юй слегка прищурился, кончик языка невольно коснулся щеки.

Гу Цичи должен есть больше, с ним рядом он не позволит ему так себя вести, пропускать приёмы пищи, злоупотреблять алкоголем — всё это нужно исправить.

Когда его бросили в «Майбах», зонт был убран, и, кроме брюк, Гу Цичи был сухим и тёплым.

Он повернул голову, опьянённый, глаза затуманенные, слегка приподнялся, наблюдая, как Бо Юй складывает зонт.

Руки Бо Юя были красивыми, длинными и тонкими, с чётко выраженными костяшками, но с грубыми мозолями, которые вызывали жар на его спине.

Каркас зонта был металлическим, холодным и твёрдым, на чёрной поверхности зонта капли дождя стекали, образуя прозрачные линии. Когда зонт был полностью сложен, капли дождя посыпались, издавая лёгкие звуки.

Подушечки пальцев Бо Юя были влажными от дождя, его холодные кончики пальцев слегка покраснели. Он повернул голову, посмотрел на Гу Цичи в углу и поманил его.

— Гу Цичи, иди сюда.

Молодой человек, услышав своё имя, был ошеломлён, но медленно подошёл, их ноги соприкоснулись, и Гу Цичи почувствовал, как его рука была схвачена рукой Бо Юя, их пальцы переплелись.

Прохлада дождя и тепло кожи слились, Гу Цичи держали крепко, и он даже почувствовал лёгкую боль в костяшках.

Молодой человек подошёл ближе, его глаза были ясными, в них читались привязанность и доверие. Нос был высоким, кончик слегка розовел, губы были полными, но заметно опухшими, и на них были мелкие ранки.

Всё это было сделано Бо Юем.

Дверь закрылась, в тесном пространстве Бай Хэн уже вовремя поднял перегородку в задней части «Майбаха», смотря прямо перед собой, повторяя про себя «Мантру очищения сердца».

Хороший и умелый ассистент должен вовремя притвориться мёртвым.

Бай Хэн украдкой взглянул в зеркало заднего вида, где отражалась приближающаяся фигура, затем спокойно отвел взгляд, и улыбка на его лице расширилась.

С появлением «хозяйки», чтобы успокоить Бо Юя, настроение босса улучшится, и его бонусы за этот квартал точно будут в безопасности.

Гу Цичи тихо заговорил, его голос был слегка хриплым, их переплетённые руки поднялись, открывая грудь.

— Бо Юй, мне жарко.

Его рубашка была расстёгнута на две пуговицы, галстук висел неровно на воротнике, открывая тонкую ключицу, синие вены были видны под бледной кожей, узоры, похожие на цветы, тянулись вниз, луч света падал на изгиб ключицы, создавая тонкую тень.

Глаза Бо Юя были тёмными, одной рукой он разгладил складки на рубашке, низким голосом сказав:

— Не двигайся, простудишься.

— Если заболеешь, придётся пить лекарства, а если станет хуже, то и капельницы ставить, ты же не любишь больницы...

Услышав эту угрозу, Гу Цичи нахмурился, его ресницы задрожали, выражение лица стало болезненным.

Он ненавидел больницы, запах дезинфицирующих средств, горькие лекарства и боль от игл, вонзающихся в синие вены.

Воспоминания превратились в осколки, яркие обрывки мелькали в его сознании, и вдруг один из них вырвался из туннеля памяти, ударив по нервам, и то, что было скрыто, вырвалось на поверхность, показывая своё отвратительное лицо.

Гу Цичи был слабым, это знали все. Он был худым, одежда висела на нём, и в детстве его кости торчали, что выглядело ужасно.

Но мало кто знал, что Гу Цичи боялся игл, его слабость была следствием детства.

Когда Гу Цичи было восемь лет, отец Гу Юйнина был вынужден уволиться. Сначала дела шли неплохо, мужчина пытался найти новую работу, но никто не хотел его брать.

Он постарел, спина сгорбилась, движения стали медленными, и по сравнению с молодыми и сильными людьми он не имел никаких шансов.

Но мужчина был гордым, он не хотел делать грязную работу и жить на мизерную зарплату. Он целыми днями сидел дома, ничего не делая, и, когда приёмная мать Гу Цичи пыталась уговорить его, он только ругал и бил её.

Это продолжалось некоторое время, затем стало хуже, мужчина не только бил их, но и начал пить.

В сорокаметровой квартире на полу валялись пустые бутылки, жестяные банки, зелёные стеклянные бутылки и осколки стекла, всё было в беспорядке.

Гу Цичи тогда был маленьким, только вернулся из школы, стоял у двери, дрожа, длинные ресницы скрывали страх, но он набрался смелости и дрожащей рукой открыл дверь.

Как только он вошёл, бутылка разбилась у его ног, матери не было, Гу Цичи молча смотрел на осколки стекла, сжав губы.

Ругательства звучали непрерывно, мужчина был пьян, вся комната была наполнена запахом алкоголя и мусора, который вызывал тошноту.

— Чёрт, ты, ублюдок, быстрее иди купи мне выпивку!

Гу Цичи сжал пальцы, ноги подкосились, он отступил. Но это задело какую-то чувствительную струну в мужчине, и он, шатаясь, вышел из спальни.

Тёмное небо было покрыто тучами, за окном бушевал ветер, листья шумели, внезапно сверкнула молния, разделив небо и землю, гром грянул, Гу Цичи сжал кулаки, молча смотря на мужчину.

Волосы, которые не стриглись несколько дней, были грязными и спутанными, закрывая его страшные глаза, но сквозь щели можно было увидеть его красные глаза.

Ранка на руке ещё болела, сердце Гу Цичи замерло, и он побежал.

Он слишком хорошо знал этот взгляд, каждый раз, когда мужчина смотрел так, он получал побои.

За дверью ветер выл, дождь смешался с ветром, капли падали на лицо, оставляя следы.

Грудь болела, Гу Цичи тяжело дышал, едва выдерживая такую скорость, горький вкус крови поднялся в горле, было больно.

Но он бежал слишком медленно, чёрные волосы были схвачены сзади, мужчина крепко держал его за голову, боль пронзила кожу головы.

Ноги, спина, всё было избито ногами.

— Ублюдок, как ты смеешь убежать?!

— Я тебя кормлю, одеваю, вырастил тебя, а ты не хочешь слушаться, сволочь, сволочь!

Грязные ругательства и удары обрушились на Гу Цичи, боль заставила его сердце остановиться, он напрягся, пытаясь свернуться в клубок.

Это была поза младенца в утробе матери, спина слегка выгнута, чтобы максимально защитить себя от повреждений.

В проливном дожде мужчина тащил Гу Цичи к неглубокой канаве перед домом, смотря на него свысока, его взгляд был полон злобы.